

**ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ
М.А. УСМАНОВА (1963–1988 гг.)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ**

*Диляра Миркасымовна Усманова
Казанский федеральный университет, Казань*

Осенью 2013 г. в истории Казанского университета почти незамеченной прошла весьма знаменательная дата: Археографическая экспедиция научной библиотеки КГУ / КФУ (АЭ НБЛ КГУ) отметила свой полувековой юбилей. Основанная осенью 1963 г., экспедиция проработала почти без перерыва пятьдесят лет (1963–2013). В 1967 г. АЭ не состоялась, поскольку ее руководитель готовился к защите кандидатской диссертации; в 1991 г. нарастающий распад Советского союза и многочисленные экономические проблемы сильно осложнили организацию ежегодной экспедиции. Только в 1992 г., когда были объединены усилия двух библиотек – НБЛ КГУ и НБ РТ – стало возможным продолжение работ по поиску восточных рукописей.

Ровно половину срока, то есть в течение 1963–1989 гг., в работе АЭ НБЛ КГУ непосредственное участие принимал Миркасым Абдулахато-

вич Усманов (1934–2010), стоявший вместе со своим учителем Шамилем Фатыховичем Мухамедьяровым (1928–2005) у истоков этого начинания. В течение четверти века М.А. Усманов выступал в качестве организатора, непосредственного участника и руководителя экспедиционной команды (то есть с выездом «в поле»), а также последующего исследователя. С начала 1990-х и вплоть до 2010 г. АЭ КГУ осуществлялись совместно с АЭ НБ РТ, а руководителем экспедиции стал ученик М.А. Усманова – доцент З.С. Миннуллин.

Безусловно, в настоящее время этап активной полевой работы уже пройден и стал в определенной мере достоянием прошлого. Многие страницы экспедиционной истории в значительной степени были описаны ее основателем и многолетним руководителем [Усманов, Шайхиев, 1984; Усманов, 1990; Госманов, 1994; Госманов, 2008a]. Поэтому сейчас, наряду с созданием новой трактовки истории казанской археографии, на повестку выступают и иные задачи: подведение итогов экспедиционной деятельности и расширение источниковой основы исследований в области восточной археографии. В данной статье главный фокус внимания сосредоточен на дневниках, которые ученый вел в ходе археографических экспедиций. Анализ собственно экспедиционных дневников, я посчитала необходимым предварить общим обзором истории восточной археографии в Казанском университете, в том числе историей создания Археографической экспедиции КГУ и некоторыми итогами ее деятельности за первую четверть века.

Традиции восточной археографии в Казанском университете в XIX – первой половине XX столетия. Саид Вахида. Создание ОРРК НБЛ КГУ

Собирание рукописей и древних книг в Казанском университете началось вместе с учреждением т. н. Восточного разряда (1804 г.). За первые пятьдесят лет восточные раритеты поступали в библиотеку в основном вместе с материалами разнообразных этнографических экспедиций, а также в результате собирательской и публикаторской деятельности отдельных ученых. Среди людей, внесших значительный вклад в собирание и публикацию восточных рукописей, можно отметить Ибрагима Хальфина (1778–1829), Карла Фукса (1776–1846), Мирзу Александра Казем-бека (1802–1870), Илью Николаевича Березина (1818–1896) и др. Однако вместе с переводом Восточного разряда в Санкт-Петербург (1854–1856) в столицу была перемещена практически вся имеющаяся на тот момент восточная коллекция. Поэтому во второй половине XIX в. сбор арабографических книг и рукописей в Казани был начат «с чистого листа». В университете этот процесс связан с деятельностью Иосифа Готвальда (1813–1897), который в течение

почти пятидесяти лет (1850–1897) являлся директором научной библиотеки Казанского университета. Еще при жизни, в 1895 г. он передал из своего собрания в дар университету 111 арабографических рукописей. В 1897 г. его дочь передала университету оставшуюся часть личной библиотеки и архива отца, в которой оказалось еще 157 восточных рукописей. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. восточная коллекция университета насчитывала около трехсот арабографических рукописей, большая часть которой была обязана вкладу Иосифа Готвальда. С этим багажом НБ КГУ вступила в XX век.

После Февральской революции 1917 г. библиотека стала пополняться за счет частных коллекций, которые передавались в дар университетской библиотеке (или иным библиотекам, затем вошедшим в состав университетского собрания) персонально или наследниками. Например, в 1920 г. в дар библиотеки Музея Татарской республики было передано 947 рукописей из коллекции Галимджана Баруди (1857–1921), собранных им за годы обучения в Средней Азии, а также во время многочисленных путешествий по Центральной Азии и Ближнему Востоку.

В первой половине XX столетия поистине неоценимый вклад в восточную археографию внес Саид Вахиди (1887–1938), который одним из первых среди татар стал заниматься целенаправленным поиском и сбором рукописей и древних книг, а также организацией археографических экспедиций [Госманов, 1990, 80–90 б.; Усманов, 2002, с. 549; Исламов, 2011, с. 226–228]. Еще в годы обучения в медресе, а также в первые годы учительства накануне революции 1917 г. проявилась его склонность к научной деятельности, желание заниматься поисковой и исследовательской деятельностью. В частности, именно тогда им был обнаружен знаменитый ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г. История с находкой, «добычей» и изучением (1919–1920) данного ярлыка – яркая страница в научном творчестве ученого [Вахидов, 1925]. В 1920-х – первой половине 1930-х гг. ученый активно занимался научно-поисковой и археографической деятельностью. Самые известные экспедиции с его участием были предприняты в Спасский район ТАССР (1928) и в составе экспедиции АН СССР (1934) [Миннуллин, 2012, с. 220–228]. Точное количество собранных им рукописей, старопечатных книг и различных документов неизвестно, однако их было не менее 3000. Они обогатили различные книгохранилища страны. Часть собранных им рукописей оказалась и в составе восточной коллекции НБ КГУ. По итогам ряда экспедиций, в том числе и 1928 г., Саид Вахиди написал специальную «Инструкцию по сбору и изучению исторических памятников и источников» (1918–1928), в которой попытался обобщить предшествующий опыт археографической работы среди мусульманского населения региона. «Инструкция», представляющая собой татароязычный арабографический рукописный текст

на 18 листах, готовилась автором к печати, но в силу ряда причин опубликована не была. Неизвестно, какое влияние идеи Саида Вахиди оказали на археографические экспедиции, организованные для сбора среди населения редких книг и рукописей в 1935 и 1937 гг., так как достоверной информации о результативности этих экспедиций, как и о составе их участников, нет. Тем не менее, очевидно, археографическая работа казанских ученых второй половины XX столетия генетически восходит своими корнями к творчеству и наследию этого выдающегося ученого.

Арест, обвинение С. Вахиди в пантюркизме и контрреволюционной деятельности (вплоть до попыток создать с помощью Китая и Японии татарское государство) и в итоге расстрел (5.01.1938) – все это укладывается в логику действий господствующего режима того времени. В свете идеологии большевистского режима, репрессии в отношении национальной интеллигенции были вполне логичными. Но репрессированными оказывались не только люди, но их книжные коллекции, в том числе и письменные раритеты татарского народа. Сохранилась масса свидетельств о том (особенно часто подобные свидетельства приходилось слышать участникам первых экспедиций 1960–1970-х гг.), как старинные книги и рукописи уничтожались десятками и сотнями: они сжигались, предавались земле, часто разделяли судьбу своих репрессированных или просто изгнанных из домов владельцев.

О незавидном положении восточной археографии в эти годы свидетельствует также работа Отдела редких книг и рукописей НБЛ КГУ (ОРПК НБЛ КГУ), созданного в 1934 г. Согласно официальным отчетам, на 1.01.1937 г. в фондах отдела насчитывалось 5174 рукописей и 250 печатных книг на восточных языках [Отчеты ОРПК за 1938 г., с. 7–8]. Следовательно, в середине 1930-х гг. в восточном секторе ОРПК имелось 5424 единицы хранения на восточных языках. Но общая политика в отношении сбора и изучения восточного письменного наследия была неблагоприятной для рукописной коллекции. Например, в 1940–1946 гг., после ареста и гибели в тюрьме Абукарама Шакирова, восточный отдел ОРПК был вообще закрыт за неимением соответствующего специалиста. Официальные отчеты рукописного отдела НБЛ КГУ, которые сохранились за эти годы, рисуют довольно безрадостную картину, прежде всего по наличию научных кадров, занимавшихся восточными рукописями, а также в отношении условий хранения и пр.

В 1930–1950-х гг. руководителями ОРПК были А.Я. Хабибуллин (1884–1956), А.Ш. Шакиров (1885–1942), С.К. Камалов (1885–1954), Г.М. Ишмухаметов (1891–1971), М.Н. Нугманов (1912–1976) [Научная библиотека..., 2011]. Первые руководители восточного отдела имели, как правило, дореволюционное образование, некоторые из них учились на Ближнем Востоке, что обеспечило их блестящую языковую подготовку.

Более благоприятным для арабографических книг стало время с конца 1950-х гг., что связано с общими процессами демократизации периода оттепели. Позитивные перемены также стали возможны благодаря усилиям Альберта Фатхиева (1937–1992), назначение которого в 1959 г. новым руководителем ОРПК открыло важную страницу в истории восточной археографии в Казанском университете [Фэтхи, 2007; Госманов, 2007, 149–150 б.]. Только что закончивший университет молодой и энергичный заведующий посвятил собиранию и изучению рукописей всю свою жизнь. С первых же дней он начал проводить активную работу по следующим направлениям: 1) наведение порядка в условиях хранения и регистрации рукописей и книг на восточных языках; 2) составление описаний рукописей, подготовка их к печати (в основном, имевших отношение к творчеству татарских писателей); 3) деятельность по увеличению книжного собрания; 4) популяризация книжно-рукописного наследия в прессе и среди населения.

На рубеже 1950–1960-х гг. библиотечные фонды стали пополняться за счет даров и пожертвований, а также различных находок во время фонетических, диалектологических, этнографических и иных экспедиций. Среди этих даров следовало бы отметить около 70 рукописей, собранных и подаренных библиотеке в конце 1959 г. Джавадом Алмазовым (1916–1979) [Отчет ОРПК за 1959 г., с. 25]¹. Около 20 списков сочинений разного содержания (исторических памятников, произведений татарской и др. тюркоязычной литературы), обнаруженных во время диалектологической экспедиции в Новосибирскую область в 1961 г., были переданы в университетскую библиотеку в 1962 г. в то время еще студентом М.А. Усмановым [Отчеты ОРПК, с. 44, инв. №№ 1919–1938т)]. Одним из самых значительных поступлений рукописей в фонд ОРПК стала коллекция из примерно 590 рукописей и книг, обнаруженных в 1964 г. в казанской мечети Марджани и переданных в дар университету при содействии доцента исторического факультета Луизы Шайдуллиной. В их числе были списки памятников древнетатарской литературы «Насихат-ас-салихин» (рукописей этого сочинения в библиотечном фонде до тех пор не было), «Таварихи Булгария», «Дастаны Чингиз» и др. [Отчеты ОРПК, с. 98] Однако только организация специальной АЭ КГУ по сбору рукописей и старых редких книг смогла принципиально изменить ситуацию с увеличением восточной коллекции.

¹ Литературовед и археограф, автор работ по средневековой татарской литературе Джавад Алмазов в 1947–1955 гг. работал в вузах Узбекистана, затем в 1955–1961 гг. – в Казанском университете, впоследствии жил в Ташкенте.

Краткий экскурс в историю АЭ НБЛ КГУ и обзор численности восточной коллекции ОРРК КГУ

Говоря об археографической работе по сбору восточных рукописей, мы, как правило, ведем речь об АЭ КГУ под руководством М.А. Усманова и чуть позднее доцента З.С. Миннуллина, работавших практически без перерыва с 1963 по 2013 гг. Однако правильнее было бы говорить о целом комплексе археографических экспедиций, единичных поездок и отдельных мероприятий по сбору рукописей и старопечатных книг.

В частности, в 1963–1989 гг. только с участием самого М.А. Усманова состоялись минимум 33 экспедиции. В большинстве они были длительными (месяц и более), многосоставными (с 1969 г. начинают активно привлекаться студенты), направленными преимущественно на сбор рукописей. В ряде случаев они носили ознакомительно-разведывательный характер, а также эпиграфическую направленность.

Кроме этих официальных АЭ, руководитель восточного сектора А.С. Фатхиев с 1969 по 1978 гг. предпринимал свои собственные индивидуальные поездки – всего минимум 8–9 экспедиций, преимущественно на малую родину, т.е. в Актанышский район Татарстана. По меньшей мере по четыре АЭ проходили под руководством ассистента кафедры истории СССР Рафаэля Шайхиева (1978, 1981, 1983, 1987 гг.); аспиранта, а позднее ассистента той же кафедры Завдата Миннуллина (1981, 1982, 1983 и 1987 гг.); а также Искандера Гилязова (1988 г.). Все трое являлись учениками М.А. Усманова и действовали по плану археографической работы, разработанному на кафедре.

Таким образом, за первые 25 лет было организовано и проведено не менее 53 АЭ, из которых только около десяти были инициированы самостоятельно руководителем ОРРК А.С. Фатхиевым, а остальные были организованы и проходили под руководством профессора М.А. Усманова.

В течение полувека в поисках рукописей и старопечатных книг членами экспедиции было обследовано около 900 татарских населенных пунктов в более 20 регионах Российской Федерации, где проживало значительное количество татарское население. География экспедиций была чрезвычайно широка: от западных и центральных районов страны (Рязань) до Сибири (Тува, Новосибирск, Иркутск и пр.), от Перми на севере до Астрахани на юге. За 50 лет поисков участниками экспедиций было обнаружено, собрано и сдано на хранение в НБЛ КГУ (а с 1992 г. частично также в НБ РТ) и таким образом спасено около 10000 рукописей, старопечатных книг и отдельных документов, что позволило увеличить собрание восточной коллекции НБЛ КГУ почти втрое [Усманова, 2014, с. 465–481].

Динамика количественного роста восточной коллекции ОРПК КГУ в середине и второй половине XX столетия отражена в отчетах отдела [Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.]. Согласно их данным, на 1.01.1963 г. на балансе библиотеки числилась **5701** инвентаризированная рукопись на восточном языке, тогда как на 1.01.1989 г. – уже **11630** рукописей, занесенных в инвентарные книги и каталог. Если вычесть из этого числа 98 рукописей из т. н. фонда Готвальда, переданного в ОРПК из общего книжного фонда в 1975 г., то получается разница в **5831** рукопись. Это тот минимум¹, что поступил на хранение в ОРПК за указанный срок и был, так или иначе, задокументирован и, следовательно, доступен для изучения и использования учеными. Даже из этих данных, следует, что за 25 лет было собрано практически столько же рукописей, сколько хранилось в ОРПК до начала работы АЭ КГУ. На 1.01.1991 г. (последний год, за который сохранились данные отчетов ОРПК НБЛ в отношении количества восточных рукописей) насчитывалось уже **12372** рукописей [Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.]. Но, на самом деле, указанная цифра далеко не полная. Только к началу 2000-х гг. в ОРПК более 3000 рукописей оставались не инвентаризованными и не каталогизированными, т.е. вне статистики и вне доступа заинтересованным ученым. В течение 2000-х гг. было собрано еще несколько тысяч единиц, в том числе арабграфические рукописи, старопечатные книги, образцы периодики и документы². Большая их часть так и осталась необработанной; в таком виде они хранятся в ОРПК НБЛ КФУ.

Безусловно, указанный рост численности восточных рукописей стал возможен не только благодаря усилиям членов АЭ КГУ, но и широкого круга заинтересованных лиц. Небольшая часть коллекции была куплена в букинистических магазинах. Но доля таких книг была незначительной. Помимо экспедиционного сбора, прирост стал результатом филантропических усилий отдельных энтузиастов и любителей; итогом просветительской и публикаторской деятельности ученых (например, публичных выступлений и публикаций в печати в первую очередь А.Г. Каримуллина, М.А. Усманова, А.С. Фатхиева и др., наиболее активных в 1960–1970-х гг.). После АЭ КГУ на местах часто оставались своего рода «агенты влияния», занимавшиеся сбором рукописей: «Надо отметить, что во многих местах, где побывали наши археографические экспедиции, остались энтузиасты по собиранию рукописей из местного населения, продолжающие постоянную работу по выявлению рукописей. Среди таких наших “внештатных” археографов-ак-

¹ Речь идет только о восточных рукописях. Тема старопечатных книг, документов и пр. выходит за пределы данного краткого обзора.

² По данным руководителя АЭ КГУ в 1990–2000-х гг. З.С. Миннуллина.

тивистов можно назвать Карима Канеева и Сабиру Касимовну Алимову из Астрахани, Бургена Низамова и Тауфика Вахитова из Буинского района Татарии и других. Такое привлечение общественности к археографической работе очень плодотворно и обещает хорошие результаты» [Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1969 год, с. 220]. В личном архиве М.А. Усманова сохранилась обширная переписка с некоторыми из таких «внештатных корреспондентов».

Экспедиционные дневники М.А. Усманова

М.А. Усманов не только стоял у истоков АЭ НБЛ КГУ, но в течение 1963–1989 гг. принимал непосредственное участие в полевой работе. Поскольку в некоторые года руководитель экспедиции предпринимал две и даже три поездки, в том числе и небольшими группами в 2–3 человека, а иногда и единолично, то общее количество экспедиций с его участием составляет тридцать пять. Все эти поездки отражены в дневниках, которые он вел в 1960–1980-х гг.

Всего в личном архиве ученого сохранились 24 блокнота-дневника разного формата, в которых были описаны цели и задачи каждой экспедиции, а также итоги их деятельности. В частности, в дневниках автор фиксировал состав участников, определял общий маршрут и конкретные пункты обследования, фиксировал уже обследованные населенные пункты и оставшиеся целевые точки, обозначал наиболее крупные и значимые находки, общее количество собранных рукописей и книг и пр. Если читать дневники внимательно и подробно, можно обнаружить различную информацию. Помещение ее в исторический контекст может дать совершенно неожиданный эффект при толковании различных сюжетов из истории татарской книжной традиции.

Помимо писем, в архиве ученого также сохранились копии официальных отчетов и обзор промежуточных итогов деятельности АЭ НБЛ за определенные годы, которые делались перед Ученым советом исторического факультета КГУ. Значительный фотоматериал, оставшийся от экспедиций, ценен при изучении таких аспектов истории АЭ КГУ, как состав участников, эволюция состава респондентов (хранителей рукописей и книг), объект собирания, повседневная жизнь членов экспедиции и условия бытования и пр. При изучении архивных фондов (прежде всего частных и личных архивов) важно не только то, что нам сообщают документы о том или ином историческом событии. Комплексное изучение частных архивов и частных библиотек может многое сказать об их собирателе, о внутреннем мире, мировоззрении владельца, в данном случае помогает полнее раскрыть творческую лабораторию ученого.

Следует сказать, что дневники составляют отдельный специальный вид исторических источников (их относят к группе т. н. *эго-документов*), близкий к таким жанрам, как мемуары, письма, автобиографии и пр. Все эти тексты между собой сильно взаимосвязаны и границы между ними довольно условны. Для автора мемуаров, написанных на основе дневников, учеными придуман специальный термин – *дневниксист* [Михеев, 2007, с. 99]. Чаще всего наиболее интересны и содержательны именно такие мемуары, так как в них большое количество подробностей, которые неизбежно стираются из памяти по прошествии многих лет¹. Конечно, следует иметь в виду, что руководитель экспедиции много публиковался (одна из самых значительных работ на эту тему «*Каурый калам эзеннэн: археограф язмалары*» / «По следам рукописей: записки археографа», имела два издания – в 1984 и 1994 гг.) [Госманов, 1984, 1994]. Эти публикации также базировались на экспедиционных записях, хотя последние более лаконичны и тематически ограничены, нежели упомянутая монография.

Что такое дневник? Если коротко и упрощенно, то это любой текст, в котором записи отделены друг от друга – чаще всего временными датами. Согласно классическому определению, дневник – это периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи [Михеев, 2007, с. 11]. Дневники условно делят на два разряда. Относящиеся к первой группе ориентированы на описание конкретного человека, его сознания, самой сокровенной сущности его *Эго*. Это и позволяет включать дневники в группу *эго-документов*. Входящие во вторую группу дневники больше сосредоточены на фиксации уникального события или процесса, участником которого является автор. Описания путешествий и экспедиций, другие путевые дневники и журналы – относятся ко второму типу дневников [Михеев, 2007, с. 20].

Выделяют несколько важных функций, которые традиционно выполняют дневники [Михеев, 2007, с. 16]: (1) выполнение функции *культурной памяти*, т.е. дневник выступает как механизм сохранения следов о событиях индивидуальной жизни; (2) функция *завещания* с обращением к некоему понимающему читателю; (3) т. н. *релаксационно-терапевтическая* функция (т.е. для снятия эмоционального или нервного напряжения, чтобы «выговориться»); (4) *социализационная* функция: записывая и перечитывая свои записи автор лучше познает мотивы собственных поступков (считается, что ведение дневника концентрирует и ускоряет процесс извлечения опыта из «потока жизни»). Ученые отмечают также (5) *квазидialogическую* (беседа

¹ Когда отец работал над воспоминаниями о Хатипе Усмানে, он обращался к дневнику первой АЭ 1963 г. [Госманов М.А., 2008 б, 132–149 бб.].

с неким вымышленным собеседником), (6) *гигиеническую* и (7) *литературно-творческую* функции дневников, которые в контексте данной публикации имеют второстепенный характер.

Как классический эго-текст дневник, с одной стороны, имеет своим объектом особые жизненные обстоятельства автора, а с другой – это текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, очень часто с *эгоцентрической* позиции. В отношении *эго-документов* (в частности дневников) в современной литературе также используется термин *пред-текст*, что означает, что дневниковая запись является неоконченным текстом, своего рода черновиком, к которому автор предполагает вернуться, переписать или дополнить. Считается, что дневник – это текст, который пишется не для публикации. Опубликованный дневник – это нарушение границы жанра. Тем не менее нередко потомки нарушают этот принцип и публикуют дневники, изначально для этого не предназначенные. Я тоже рискнула нарушить «чистоту жанра»: в двух номерах журнала «Безнең мирас» (2014, №№ 5–6) был опубликован дневник самой первой АЭ КГУ за 1963 г. [Госманов, 2014], который воспроизводится и в этом сборнике.

Дневники руководителя Археографических экспедиций М.А. Усманова не являются классическими дневниками с обширными текстами-рассуждениями, поскольку для адекватного описания событий и мыслей нужен значительный временной отступ. Экспедиционные дневники записывались, как правило, ежевечерне, а также в минуты случайной паузы или отдыха. Но в то же время это и не дневник в чистом виде, когда идет фиксация только текущих событий. Такой текст скорее следовало бы назвать «записными книжками». Какое отличие между дневником и записной книжкой? Как сказал один исследователь, «записные книжки полнее отражают внешние события жизни автора, тогда как дневник позволяет углубиться в его внутренний мир» [Михеев, 2007, с. 15].

Записи (= записные книжки), которые велись М.А. Усмановым, представляют собой некий симбиоз «полевых дневников», регулярной синхронизированной записи происходящих событий и текста с элементами саморефлексии и анализа. Если посмотреть на все дневники, которые велись руководителем экспедиции на протяжении четверти века, то мы увидим в них некоторую эволюцию от немного хаотичных и даже сумбурных «*подневных*» записей к кристаллизованной форме «полевого дневника», выступающего как важная часть экспедиционной деятельности.

Уже по ходу сбора рукописей, т.е. «в поле», происходила первоначальная обработка и обследование рукописей, кратко их описание, осуществляемое руководителем экспедиции. Поэтому в дневниках фиксировались многие колофонные записи, встречающиеся в рукописях, концевые и иные

пометки, данные, которые позволяют идентифицировать ту или иную рукопись. В дневниках, которые все велись на родном для ученого татарском языке, есть много арабографических вставок, имен и названий, эпиграфических данных, которые требуют большой работы по расшифровке, транскрибированию и научной атрибуции.

Источниковый потенциал экспедиционных дневников

Какого рода информацию можно еще извлечь из этих дневников? Позволяют ли они узнать нам нечто новое? Или же дают возможность взглянуть на старую проблему по-новому? Вот только некоторые предварительные наблюдения, которые можно сформулировать на начальном этапе изучения экспедиционных дневников М.А. Усманова.

(1) «Гибридное» историко-филологическое образование во многом определяло научные интересы ученого. Среди собранного он особенно отмечает литературные произведения, фольклорные произведения, наличие которых или отсутствие является одним из важнейших маркеров «образованности» и просвещенности населения того или иного региона. При некотором пренебрежении к религиозной, сугубо догматической или религиозно-правовой литературе (такие книги отбирались, как правило, если они были в хорошей сохранности, имели какие-либо колофонные или иные владельческие записи, представляли интерес с точки зрения каллиграфии и пр.), что соответствовало традиции 1960–1970-х гг., особое внимание уделялось народному творчеству и литературе. Наиболее хрестоматийный пример: изучение творчества поэтов Габдельджаббара Кандалий и Габдрахмана Утыз-Имяни. Именно экспедиционные находки и их публикация позволили существенно обогатить творчество этих поэтов. Например, издание стихов Г. Кандалий 1960 г. насчитывало 2500 строк, тогда как публикации 1988 г. – уже 8500 строк. Большая их часть была обнаружена во время поисков АЭ КГУ. Дневники помогают понять нам, когда эти поиски имели целенаправленный характер, а когда речь должна идти о неожиданной и от этого еще более приятной находке.

(2) Историческая, точнее даже источниковедческая, составляющая образования и научной деятельности также определяли преимущественный интерес ученого к документальным материалам, актовым документам (документы, связанные с имущественными отношениями, метрические книги и пр.). Эту часть находок он считал наиболее важной для развития исторической науки, для существенного прогресса татарского источниковедения [Усманов, 1997, с. 418–428]. Тем более, что в официальных государственных архивах подобного рода документов почти не было. Поэтому выявленные в ходе АЭ КГУ актовые документы (договора, наследственные документы,

купчии и письма) должны были пополнить источниковую базу татарских исследований арабографическими материалами. Позднее М.А. Усманов стал предлагать своим студентам и аспирантам темы возможных научных исследований для реализации на основе обнаруженных во время экспедиций новых документов. Подводя итог находкам АЭ-1979 он, в частности, писал: *«Акт документларына килсәк, алар иң мөһим табышлардан исәпләнергә лаеклы. Бигрәк тә Шөкүр авылында табылган документлардан торган бер дәфтәр аерата игътибарга лаек. Бу һәм башка документларны диплом эше язар өчен Жәүдәт Миңнуллинга бирергә исәп: бәлки егеткә “киләчәк өчен виза” булыр бу»* [Дневник АЭ-1979].

Источниковедческие пристрастия также проявлялись в особом внимании к колофонным записям (3), которые в обязательном порядке переписывались в дневники, затем анализировались, давая подчас богатый материал для публикаций (статья в сборнике в честь А.Р. Шихсаидова под названием «Книги-путешественницы») [Усманов, 2010, с. 273–279]. Колофонные записи рассматривались им как кладёз информации о характере и географии коммуникации внутри мусульманского мира.

Особая симпатия ученого была к т. н. тетрадям шакирдов медресе («*шәкерт дәфтәрләре*») (4). Не случайно, во втором издании книги «По следам рукописей: записки археографа» им посвящен большой раздел [Усманов, 1994, с. 95–165]. Тетради шакирдов могли (хотя и не обязательно) содержать эксклюзивный материал, который было бы невозможно найти в другого рода рукописных текстах. Автор отмечает, что репертуар этих тетрадей необычайно разнообразен. В них можно найти буквально все: отрывки из литературных произведений, как известных и классических, так и порой принадлежащих анонимным авторам; стихотворения классиков восточной поэзии и собственные стихотворные опусы и опыты самих шакирдов; списки книг, выступавших как учебники в медресе и мектебе; молитвы по разным поводам и случаям; байки, баиты, рассказы и сказки; образцы и черновики любовных писем или дружеских посланий и пр. При этом каждая такая тетрадь обладала своей особой индивидуальностью, была «штучным продуктом» (что выгодно отличало их от списков разных догматических сочинений, где «вольности» не допускались). Представляется, что при всей важности того анализа, который был произведен ученым в отношении этих «тетрадей шакирдов», их комплексное изучение еще предстоит. Наверное, самым важным является то, что этот источник позволяет заглянуть за кулисы жизни учащейся молодежи. В этих записях мы можем услышать голос самих шакирдов. Вероятно, с учетом современных историографических и источниковедческих тенденций можно поставить перед этим источником новые вопросы и получить иные ответы: каков был внутренний мир шакир-

дов татарских медресе; какова была коммуникация идей и степень мобильности самих учеников медресе и пр.

Одна из самых главных задач экспедиций виделась Усмановым в сохранении гибнущего в силу ряда обстоятельств книжного наследия (5). Из дневника в дневник красной нитью проходит мысль о том, что нужно торопиться со сбором рукописей: уходит поколение людей, способных оценить значимость арабографических рукописей и книг; старые книги и рукописи гибнут в силу естественных причин (пожары, недостойные условия хранения и пр.). Более того, в дневниках за разные годы неоднократно упоминались факты захоронений рукописей на кладбищах. Сейчас такие факты представляются необоснованным вандализмом, только если мы вырываем эти факты из исторического контекста и не учитываем ту атмосферу, которая господствовала в советскую эпоху вокруг исторического наследия прошлого. Если же принять во внимание, что в 1930-е гг. хранение арабографических книг могло стать основанием для ареста и лагерей, а в 1950–1960-е гг. поколение знающих арабскую графику людей уходило естественным образом, то можно понять логику такого поведения.

Поэтому, когда удавалось спасти такие обреченные на захоронение книги, радость членов экспедиций была особенной большой. В дневниках мы встречаем разные записи. Одни свидетельствовали о подобных счастливых моментах: *«Кайтышлы Кәрим абый Төхфәтуллин дигән кешегә кердек һәм, уйламаган җирдән, 10–11 кулъязма алдык: бу кулъязма һәм тагын башка китапларны ике капчыкка тутырып, кичен күмәргә эзер торалар икән. Шулай итеп, без бу кулъязмаларны үлемнән коткардык»* [Дневник АЭ-1964-I]. Но гораздо чаще встречались иные записи: *«...Әпсәләмгә килеп, шифер заводындагы кәгазьләр арасында гарәпчә китаплар булу-булмавын аныкладык. Хәзер юк. Элек булгалаган. Кулъязмалар да күп килгән. Шулай итеп, кемнәрдер алла кайларда кулъязма эзләр, ә монда аларны йөзәрләп яндырганнар... Чын-чынлап крематорий. Безнең түрәләр, киләчәктә монда китерелүче кулъязмаларны караячакбыз, фәлән-төгән дип йөриләр... Кем белә. Ә кәгазь эретү ходка салынган инде»* [Дневник АЭ-1963]; *«Монда да шул ук хәл – бик күп кулъязмаларны яндырганнар. (...) Авыр елларны Касыйм мулланың китаптарын үз кулы белән яндырган бер картны күрдек...»* [Дневник АЭ-1968-I]; *«Кичке якта мәрхүм Вәлит Алиевның кызына бардым: атасыннан калган язма гыйбәрләр, документлар кайда булыр дип. Җавап кыска булды: аннан калган язучулар кемгә кирәк соң, яндырылган бугай... Шулай...»* [Дневник АЭ-1969]; *«Бернәрсә дә юк. Бер тел бистәсе абыйның айтүенә караганда, Чернушкада Заготконторада¹ эшләгән чакта андый китаплар-*

¹ Соликамская заготконтора (= Заготовительная контора), располагающаяся в г. Чернушка, Пермской области.

ны *потлап-потлап яндырганнар»* [Дневник АЭ-1974] и пр. Иногда жители, наученные горьким опытом репрессивной политики, старались уберечь свои сокровища от незнакомцев: *«Бу авылда без йоклап торганчы, имештер, китаплар жыеп яндыручылар килгән, дигән хәбәр таралып, иртәнге якта барлык әбиләр шәмаил-фәләннәренә хәтле яшереп өлгергән булганнар»* [Дневник АЭ-1968-I].

Это только некоторые наблюдения, почерпнутые при первоначальном знакомстве с текстами экспедиционных дневников М.А. Усманова.

В качестве приложения публикуются два материала. Во-первых, это авторское предисловие и экспедиционный дневник М.А. Усманова, который велся в период работы АЭ-1963. Этот текст отражает самое начало полувековой истории АЭ КГУ: обстоятельства организации первой археографической экспедиции, предпринятой группой ученых осенью 1963 г. в Оренбургскую область. Дневник публиковался в журнале «Безнең мирас» [Госманов, 2014]; оригинал хранится в личном архиве автора. Второй материал представляет собой отчет, сделанный руководителем Археографической экспедиции КГУ М.А. Усмановым перед Ученым советом исторического факультета в 1970 г. и отражающий основные находки АЭ 1968–1970 гг., а также проблемы, стоящие перед казанской археографией. Машинописная копия отчета хранится в личном архиве автора. Оба документа подготовлены к печати Д.М. Усмановой.

Литература

- Вахидов С. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана / С. Вахидов. – Казань, 1925.
- Госманов М.Г. Каурый каләм эзеннән: Археограф язмалары / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 288 б. (Тулыландырылган икенче басма: Казан, 1994. – 463 б.)
- Госманов М.Г. С. Вахидинең игелекле мирасы / М.Г. Госманов // Үткәннән – киләчәккә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 80–90 б.
- Госманов М.Г. Альберт Фәтхи турында истәлекләр [өзек] / М.Г. Госманов // Казан утлары. – 2007. – № 7. – 149–150 б.
- Госманов М.Г. Археографик экспедициялар / М.Г. Госманов // Татар энциклопедиясе. – Т.1. – А–В. – Казан, 2008а. – 205 б.
- Госманов М.Г. Остасз кайгысы (Хатып Госман турында) / М.Г. Госманов // Казан утлары, 2008б. – № 5. – 132–149 бб.
- Госманов М.Г. Археографик көндәлек // Безнең мирас. – 2014. – № 5. – Б. 20–28; № 6. – Б. 41–43 [расшифровка текста, публикация документа, предисловие Д.М. Усмановой].
- Дневник АЭ-1964-I. Личный архив автора.
- Дневник АЭ-1968-I. Личный архив автора.
- Дневник АЭ-1969. Личный архив автора.

Дневник АЭ-1974. Личный архив автора.

Дневник АЭ-1979. Личный архив автора.

Исламов Р.Ф. Саид Вахиди / Р.Ф. Исламов // Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения: материалы Круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). – Казань, 2011. – С. 226–228.

Миннуллин З.С. Об Археографической экспедиции Академии наук СССР 1934 года в Татарскую АССР / З.С. Миннуллин // Тюркоязычная книга: наследие веков: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (Казань, 17–18 октября 2012). – Казань, 2012. – С. 220–228.

Михеев М.Ю. Дневник как эго-документ (Россия XIX–XX вв.) / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей, 2007.

Научная библиотека Казанского университета в лицах. Ч. 1 Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. – Казань, 2011.

Отчеты ОРРК НБЛ КГУ за 1936–1991 гг. // ОРРК НБЛ КГУ.

Усманов М.А. Итоги и перспективы археографических работ в Казанском университете / М.А. Усманов // Материалы итоговой научной конференции КГУ за 1988 год: (Доклады на пленарных заседаниях). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. – С. 3–20.

Усманов М.А. О «прямой» и «косвенной» информации археографических материалов (источниковедческие аспекты изучения старотатарских рукописей) / М.А. Усманов // У источника: сб. статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. – Ч. 2. – М., 1997. – С. 418–428.

Усманов М.А. Вахидов Саид Габдулмананович // Татарская энциклопедия. – Т. 1. А-В. – Казань, 2002. – С. 549.

Усманов М.А. Книги-путешественницы / М.А. Усманов; сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников // Дагестан и мусульманский Восток (Ислам в России и Евразии): сборник статей. – М., 2010. – С. 273–279.

Усманов М.А. Некоторые итоги и задачи Археографических экспедиций Казанского университета по выявлению восточных рукописей (1963–1982 гг.) / М.А. Усманов, Р.А. Шайхиев // Страницы истории Поволжья и Приуралья. – Казань, 1984. – С. 147–162.

Усманова Д.М. Миссия археографических экспедиций в сохранении и развитии традиций востоковедения и исламоведения в Казанском государственном университете / Д.М. Усманова; отв. ред. Д.В. Брилев // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей. – Казань, 2014. – С. 465–481.

Фэтхи А.С. Мәкаләләр һәм истәлектәр / А.С. Фэтхи. – Казан, 2007.

АРХЕОГРАФИК КӨНДӘЛЕК
(Казан университеты археографик экспедицияләре
турында материаллар)

Миркасыйм Габделәхәт улы Госманов

Кереш

1963 елның яз айлары иде. Мин университетның V курсында, диплом проекты эзерлим.

Көннәрдән бер көнне житәкчем Шамил абый Мөхәммәдъяров белән әңгәмәләшеп утырганда, борынгы кулъязмаларның начар өйрәнелүе, барланмавы хакында сүз чыкты. Жае килүгә, мин халык кулындагы язма материалларның әле күп булуын әйттем, фикеремне 1961 елны Бараба татарлары арасында тапкан «Бараба намә» исемле тарихи кулъязма һ.б. белән дәлилләдем (ул елны мин доцент Д.Г. Тумашева белән Бараба татарлары диалектын өйрәнү өчен барган идем. Шул елдан башлап, мин татар бүлегеннән тарих бүлегенә күчеп, индивидуаль план буенча укый башладым). Шамил абыйның күзләре кинәт ялтырап китте:

- Әйдә, археографик экспедиция оештырабыз!!!
- Мөмкинме ул? – дидем, кыюланып.

Дөресен әйткәндә, мин ул вакытта безнең университет каршында махсус археографик экспедицияне оештырып була, дигән уйны бер дә башыма китермәгән идем (элек диалектологик һәм археологик экспедицияләргә катнашканда махсус танык алып, халыктан кулъязмалар сорап йөрүне дә зур казаныш дип исәпли идем).

Шунда ук фикердән гамәлгә күчтек: план, маршрут һәм состав турында конкрет сөйләшә башладык.

Маршрут мәсьәләсенә килгән инициативаны мин [үз кулыма] алдым. Диплом эшем Исмагыйль Бикмөхәммәтов эсәрәнә багышланган булгач, Оренбург Каргалысына барып, шуңар мөнәсәбәтле яңа документлар табып булмасмы дигән хыял бар иде миндә. Шуңа күрә, беренче сәфәрне Оренбург өлкәсенә оештыруны тәгъдим иттем. Килештек. Экспедиция составы турында сөйләшәбез. Төп көч СССР тарихы кафедрасы әгъзалары булчак, шулай ук татар бүлегеннән берничә студент алачакбыз. Шушы фикер белән мин татар (тел һәм әдәбият) кафедралары мөдирләре Хатип ага Госман һәм Мирфатыйх абый Зәкиевләргә кердем: «Шамил Мөхәммәдъяров житәкчелегендә шундый экспедиция оеша, сезнең студентлар катнашса, шәп булыр иде...», дип. Көтмәгәндә, күптән түгел генә докторлык диссертацияләрен яклаган

Х. Госман һәм М. Зәкиев үзләре дә барырга теләүләрен белдерделәр. Ярар. Кабул иттек. Менә шулай итеп, экспедициябез саф археографик кысadan чыгып, комплекслы кыяфәт алды. Доктор һәм доцентлар катнаша торган булгач, студентларны алмаша булдык (дәрес, мин әлегә студент-дипломант, ләкин, уку бетүгә, мин университетта калырга тиеш: я ассистент, яки гыйль-ми хезмәткәр булып, ә экспедиция көзен генә булачак...).

Хәзер башка катнашучыларны да билгеләргә кирәк. Ләкин бу проблема түгел. Шулай итеп, археографик экспедиция идеясе гамәлгә аша башлады. Смета төзелде, состав билгеләнде, маршрут ачыкланды. Алар расланды, приказ чыкты (әлбәттә, бик күп йөрергә туры килде миңа... Ә бер яктан дипломны язып бетерергә кирәк...).

Френ-Хэлфин, Сәет Вахидиләр чорыннан соң сүнәп торган археографик эзләнүләр, кулъязмалар жыю эше, менә шулай итеп, янадан торгызылды. Күрәсез, бу башлангычның беренче көннәреннән алып, мин бу эштә якыннан катнашам. Икенчеләй әйткәндә, мин бу кызыклы һәм перспективалы экспедицияләренң тарихын үзем яшаштым...

Башта, югарыда әйткәнәмчә, бөтен инициатива (әгәр минем элекке аерым эзләнүләремне исәпкә алмаганда) Ш. Мөхәммәдъяровтан чыкты. Ул бу идеягә жан өрде, аны тудырды, исем кушып, законлаштырды. Ә менә үстәрәп, аңа озын гомер тәэмин итүдә бөтен авырлык һәм җинеллек минем җилкәгә төште. Дәрәсән әйткәндә, икенче елдан ук безнең олы агайлар читкә тайпылып, экспедиция белән фактик җитәкчелек итү миңа калды. Өченче елдан исә, мин юридик яктан да аңа җитәкче булып билгеләндем. Дүртенче елны исә «җитәкче» дә, «башкаручы» да үзем булдым. Менә шуның өчен дә 1967 елны, диссертация бетерү елы булып, мин бу эштән «ычкына» алмагач, экспедиция дә оешмады...

«Мин», «мин» дип язудан мин үземнең экспедиция тууда, яшәүдә булган үз ролямне күрсәтүдән бигрәк, аның киләчәгә өчен күпме җаваплы булуымны да игътибарга алам. Әйе, яхшы башлангычны үстәрәп җибәрү, аны гомерле итү хәзер миңа бик нык бәйләнгән (башка «белгеч» юк бит...). Димәк, мин үз өстәмә зур бурычлар алам. Һәм мин җаваплы.

Хәзер, ягъни 1968 елның башында, кафедралар арасында оешкан проблематик группаның эш планын раслау уңае белән, археографик экспедициянең киләчәк эш планын төзү мөһимләште. Аны тагы да законлаштырып, аңа киләчәк гомер тәэмин итәргә кирәк. (Берәүләр аның булмавын телиләр дә бит...). Шуның өчен бу көннәрдә мин алдагы 5 елга археографик эзләнүләренң эш планын төзеп бирдем. Шул уңай белән үземнең элекке язмаларыма күз салган идем – тәҗрибәнең шактый булуын аңладым.

Чыннан да, узган дүрт елда (1967 елны исәпләмим) безгә, бигрәк тә миңа, 6–7 сәфәрдә булырга, бик күп төбәкләргә барып кайтырга туры

килгән (аларны аерым-аерым санап тормыйм – түбәндә һәрбер сәфәрнең көндәлегә булачак). Шуң эзләнүләр нәтижәсендә йөзлэгән-йөзлэгән кулъязмалар табылган. Алар арасында дистәлэгән «сирәкләр» дә, аерым-аерым «уникум»нары да бар. Халык арасында ничек эшләргә дигән тәҗрибә дә шактый. Хәзер инде кем белән ничегрәк сөйләшәргә кирәклеген тиз шәйлим (бик авыр эш бу әби-бабайлардан «изге» әйберләрен йолып алу!).

Киләчәккә планнар төзү белән үз язмаларымны күздән кичергәндә, «нигә соң боларны акка күчереп куймаска?» дигән фикергә килдем. Чыннан да, нигә күчермәскә: каралама язмалар бит киләчәктә үзем эшләр өчен дә жайсыз. Ә бу язмаларның, заманалар узгач, икенче максатлар өчен дә ярап куюлары бар. Ярап, хәл ителде. Күчерәм. Гади, кыска көндәлек рәвешендә. Ягъни, бу әдәби мемуар да, гыйльми отчет та түгел. Бары үз көндәлегемнең чүп-чардан аруландырылган шәкеле генә.

Хәзер алдагы планнар турында.

Моңарчы гел Татарстаннан тыш өлкә һәм районнарда эзләнгән булсак, хәзер ике юнәлештә эшләргә тиешбез. Һәр ел саен ике-өч сәфәр булырга тиеш: берсе – Татарстанга, икенчесе – чит өлкәләргә. Татарстанда был июль аенда тау ягыннан (Буа, Тәтеш, Апас районнары) башларбыз. «Читкә» исә көзен Әстерхан өлкәсенә барып кайтырмын (бәлки, бер үзем генә). Максат: яқындагы 5–10 елда бөтен Татарстанны «ерып» чыгу белән бергә параллель рәвештә башка өлкәләрдәге татар төбәкләрен дә барлап чыгу.

Менә шулай. Хыял зурдан. Нәтижәсе нинди булыр? Моңы һәр елгы көндәлекләр яктыртыр. Ә хәзергә узган «бишьеллыкка» күчик. Ул киләчәкнең аерылгысыз өлеше.

М. Госманов. 25.II.1968 ел.

P.S. Башка экспедицияләр (археографик булмаган) турындагы кыскача көндәлек 1966 елгы соңгы сәфәрдән соң бирелер. Өстәмә рәвешендә.

I Сәфәр

Оренбург өлкәсе, Көнъяк Башкортстан

10.09. – 30.09. 1963 ел

10.09.63. Төштән соңгы сәгать дүрттә университеттан алган «үз» машинабыз белән юлга чыктык.

Мәшәкәтләр эзерләнү чоры шулай итеп артта калды. Ул чор минем өчен бигрәк тә мәшәкәтләр булган иде. Экспедициягә иң кечкенә дәрәжәле шәхес булганга да, идея авторларының берсе булганга да, бөтен эзерлек эшләре миңа йөкләнгән иде. Хәерле булсын. Хәзер артта инде ул мәшәкәтләр.

Состав: Шамил Мөхəммəдъяров (житəкче), Хатип Госман, Мирфатыйх Зəкиев (өчесе өч кафедра житəкчесе!), Ренарт Кашафутдинов (этнограф), Альберт Фəтхи (китапханə), шофер Фуат һəм мин. 7 кеше.

Дəрес, Шамил абый артта калды. Самолет белəн Бөгелмəгə барырмын, дип. Бер эше бетмəгən булган.

Кузовта барабыз. Тагы-тыкы. Фанера фургон. Такта урындыктар. Баллон. Шофер Фуат үзенең туганнарын утыртып алган (əби һəм кызы). Кичен Чистай районы Кыр Шынталасы авылына барып, үзəбезнең «блат» юлдаш əбилəрдə кундык. Əйбət кенə кунак иттелəр. Йокларга чоланга яттык. Тик... кандала!! Хатип ага торып качты...

11.09.63. Иртүк берничə карт-корыга кереп чыктык. Беренче табыш: «Мəймүнəбану» дигən əсəрнең төрки тəржемəсе. Шулай итеп «бисмил-ла» бар.

Чистай, Əлмəт шəһəрлəрен узып, Бөгелмəгə юнəлдек. Бөгелмəгə житəрəк машина ватылды. Шəһəргə көчкə життек. Шамил абый да килеп житкən булган. Гостиницага урнаштык. «Нефтяник» дип атала.

12.09.63. Редакциягə киттек. Юл өстендəгə мəктəплəргə кердек (Шамил абый машинаны ремонтлау хəстəренə керешеп калды). Хатип ага үзенең шəкəртлəрен тапты – редакция сотруднигы Дамир Зарипов). Редакция машинасы белəн Хатип ага, Мирфатыйх абый һəм мин Бəйрəкə авылына киттек. Юлдан М. Зəкиевның туган авылына туктап, аның əнисенə кереп чəй эчеп чыктык. Урман эчендəгə кечкенə генə салам түбəлə бер авыл кисəгə. Жиргə иңгən иске генə агач йорт. Уйга батам: күрəсəң, татарларның барлык эшлєклєлəрə дə шундый салам түбə астында туып, ташландык авылда үскən, аннары тырмашып адəм булган.

Бəйрəкəдə Кəшиф Рəхимов дигən кешегə килеп төштєк. Элек язып-сызып йөргən, аннары 30нчы елларда «хажга» китеп, 20 елга якын «сəяхət» итеп кайткан. Шулай да сəламəт сакланган, бик тере карт. Бакчачылык белəн шөгыллənə. Мавыгып. Төрлє сорт жилəк-жимеш агачлары...

Анардан Əпсəлəм авылындагы шифер заводында яндырган яки эреткən кəгазылəр арасында (утиль) гарəпчə язуды кəгазылəр булуын дə белəбез. Димəк, үлєм китапларны икенче урында да бик оста сагалый...

Кəшиф аганың чормасына мендек, биш алты кульязма (шулардан шактый борынгы татарча фикһ əсəрə дə бар). Басма китаплардан А. Болдыревның «Арабская хрестоматия»сə (К. Насыйри автографы белəн); III. Сами «Логаты».

13.09.63. Кичə көнə бue чапкалап Шамил абый машинаны ремонтлаткан. Ул, əллə кайлардан үзенең начальник дусларын табып, шулар аша

бер атналык ремонтны бер көндө бетерткэн. Фуат хэйран калган. Ул кичэ: «Бөгелмэдэ бик озак саргаербыз», – дигэн иде. Һәрхэлдэ, Шамил абый үзенең «пробивной»лығын беренче мәртәбә күрсәтте.

Оренбург ягына юнәлдек. Шалты авылын узып, Габдрахман авылына килдек. Ул Ык буенда урнашкан. Жәй айларында бик матур булырга тиеш. Ә хәзер көз.

Авыл халкының төбә Пенза губернасы Краснослободский өязеннән. Монда якинча 140–150 еллар элек күчеп килгәннәр. Башка яктан күчеп килүчеләр дә булган икән...

Без Рим Кәримовның аталарында туктаган идек.

Кичен Ык буена барып, юындык (тузаннарны юдык), көн салкын булса да анадан тума чишенеп, Ыкка чумдык. Бер Альберт кына суга кулын да чылатмады: ул, гомумән, судан курка...

14.09.63. Иртә торып Хисмәтулла Төхфәтуллин дигән кешене эзләп Тегермәнгә киттек. Жырлаттык, сөйләттек. Бер кечерәк жырлар дәфтәрөн алдык. Гражданныр сугышы чорында язылган, яисә русчадан тәржемә ителгән жырлар. Ярыйсылары да очрап куя.

Шул ук көнне Габдрахман авылыннан 18 км көньяктагы Чыгәнле авылына килдек.

Авыл моннан берәр йөз ел элек салынган. Төрле халык. Пенза губернасы, Ләмберә авылыннан килүчеләр бар.

Мәкальләр, әйтемнәр:

«Эшләмәк кеше орып ала»,

«Эшләп алган – орып алган»,

«Бездән уңга да юк, сулга да юк» (ягъни искечә дә, яңача да белмибез).

[...] Әллә нәрсә табылмаса да, ике кич кундык. Дөрөс, Кандалый әсәрләреннән бер кечкенә күчермәсе табылды...

16.09.63. Юлдан Муса Жәлил туган Мостафа авылында бер туктап, бөөк шагыйрь туган ташландык авылны күздән кичереп, экәмәтле кенә һәйкәл (бюст) янында рәсемгә төшөп, 304 км узып Оренбургка килдек. Юл бик эшәке иде. Ташландык авыл, койты һәйкәл күпкә хәтле күз алдыннан китмәде. Бәлки бу символдыр? Безнең олуг кешеләрне ничек хөрмәтләвебезне күрсәтәдер ул?

Гостиницада урын юк иде. Шулай да, Шамил абый кызларны сихерли торгач, ике кешелек бер бүлмә алды. Хатип ага белән урнаштылар. Калганнарыбыз, көтүебез белән «Колхозниклар йортына» барып, бер зур бүлмәгә урнаштык. 16 кроватьлык салкын абзар. Бер койкада исерек экспедитор

(колхоздан) сүгенеп ята, икенче кроватьгә филология фәнннәре докторы М. Зәкиев ял итә.

Ләкин юлдагы салкыннан соң кайнар душ бик шәп булды.

17.09.63. Төрлебез төрле якка сибелдек.

Мин архивка бардым. Описьләрне карап, борынгырак дәвер документларының тасвирламалары белән танышып бер көн утырдым. Байгына. Махсус килергә кирәк. Татарларның Һиндстан сәяхәтләре турында да документлар бар сыман. Әйе, махсус килергә кирәк!

Ә Шамил абый белән Ренарт юкка чыктылар. Кунарга кайтмадылар.

18.09.63. Иртән торып Каргалыга киттек. Элекке татар байларынан калган таш кибетләр, тимер ишекле амбарлар, зур йортлар... Ләкин хәзер Каргалы – карга оясы!.. Нәкъ Гитлер узып киткән кебек. Кешеләре дә чырайсыз, чыгык йөзлеләр, йомыклар. Жүнләп исәнләшә дә белмиләр.

Мәктәптә булдық. Русча гына укыталар. Ләкин укытучылар үзләре дә жүнләп русча белмиләр икән. Менә шул укытучылар үзләре русча өйрәнсеннәр өчен «Дежурные слова» дигән бер такта элөп куйганнар. Һәркөнне берничә сүз ятларга тиеш икән алар. Ярар ятласыннар. Ә укучылар? – «Наданнар», – диде берсе туп-туры.

Гали Ибраһимов дигән бабайда булып, берничә кулъязма кисәге алдык. Кәримә апа дигән бер карчыкка кердек. Ул шагыйрь Һибәтулла Салихов нәселеннән икән. Фамилиясе Сәетбатталова.

Шәжәрәсе: Кәримә – Әхмәтжәмил – Һибәтулла (шагыйрь) – Сәетбаттал – Салих – Бикмөхәммәт – Ишмөхәммәт...

Көн бик салкын, караңгы чырайлы, гомумән, әшәке иде.

Ашханәсенә кереп чиле-пешле пәрәмәчләр, дуңгыз итеннән гуляш ашап чыктык. Көннең икенче яртысы. Мостафа абый Әхмәтовта булдық. Күнелле генә кеше. Утыз елдан бирле яза килгән көндәлегә бар икән. Безгә соңгы бүлеген укыды. Надан гына булса да, зәвыклы һәм тырыш кеше булуы күренә.

Зиратта булдық. Ташландык. Мәгәр элек бик тәртипле булган... Мәетләрнең рухлары кебек ташлар тезелешеп тора, гүяки таш урманы... Зираттагы ташлардан кайберләрен кире кайтышлы, күчәрөп алырга булдық.

Эләккән кулъязмалар арасында Сәгъдинең «Гөлөстан»ының бер күчөрмәсе бар. Әһәмәйтсөз бәетләр да очрый.

Кичен утырып ләтит сатабыз (Оренбургта, әлбәттә). Х[атип] Госман да, М[ирфатыйх] Зәкиев тә үзләренең эрөкләрен жуя баралар, гади кешеләргә әвөрөләләр... Ә менә Альбертның кирәлегә һаман арта.

Ә Шамил белән Ренарт бүген дә кайтмады... Олактылар...

19.09.63. Көне буге архивта булдым. Тасвирламалар белән кинрәк таныштым. Әйе, махсус килергә кирәк.

Х. Госман, М. Зәки[ев], Альбертлар да халык белән аралашып йөргәннәр. Кешеләр белән танышканнар. Көндөзеш Шамил белән Ренарт кайтып төштеләр: алар Шамилнең бер балачак дустан табып (полковник), шуңа кунакка дип, сахрадагы хәрби частка барып кунганнар. Эчкәннәр, әлбәттә. Тагын әллә кемнәргә барып чыкканнар... Ә көндөзеш Шамил Обкомга, Облисполкомга барды, машинабызның «утырған» аккумуляторы урынына яңаны тапты. Түләүсез-нисез. Могжиза! Бер дә белмәгән кешедән суырып алган. Шулай итеп, кузгалып китәрдән элек «Дубинушка»ны жырлап, машинаны этеп йөрү бәласеннән котылдык. Юкса соңгы ике көнне туктаган саен, машина этеп жәфаланган идек...

20.09.63. Ура (Жәек) суы буйлап казачий татарларның авылларын эзләп киттек. Очсыз-кырыйсыз киң сахра, зур басулар... Юл төрлечә.

Иң элек Зубачий дигән авылга килдек. Моннан 200–220 еллар элек сагына башланган дип әйтәләр. Тарихын жүнләп белгән кеше юк. Халкы бик үк аңлы түгел. Элек бик караңгы булган булырга охшый. Пугачев «дер» селкетеп йөргән жирләр. Әмма халыкта риваятьләр начар сакланган.

Бер тел бистәсә хатынның сафсатасын тыңлап озақ кына утырдык. Имештер, Урта Азиядә Совет властен урнаштырган... Гел сүгенеп сөйли торган бер бабайны да сөйләтеп утырдык. Магнитофонга язып утырган чакта да тозлап-борычлап берне ычкындырды... «Бөтен язубозылды, бу ахмак аркасында», – дип М. Зәкиев тә сүгенеп тора...

Шул ук көнне, кичен, Чесноковка авылына килеп, Пугачев исемдәгә колхозның рәисе Хәмит Бакировның өенә төштөк. Кунып калдык.

21.09.63.

Чесноковка авылын арлы-бирлө йөрөдек. Мәгънәлө бернәрсә дә чыкмады. Имештер, кемдер, кайчандыр авыл тарихын язган. Кем, кайчан? Беркем дә белми....

Төшлектән соң Нижние Озеры авылына юнәлдек. Бу авылда да рәт чыкмады. Бер генә гарәпчә кульязма.

«Киров» исемдәгә бик бай колхоз. Зур-зур биналар, клубы ни тора, ә мәктәбе! Миллионер булуы кычкырып тора.

Кичен концерт икән. Һәй бина! Авыл мәктәбе, дип әйтмәссең... Шәп!

Концерттан соң Х. Госман укучыларга нотык сөйләп алды.

Директор белән аның бүлмәсендә әңгәмәләшәбез. Мәктәп агония һәм газәп белән тел алыштыра икән. Директор аптырап кына утыра: хәзер ике телне дә белмиләр...

Ике көннән бирле Хатип аганың эче китә (Оренбургта ук башланган булган). Кәефе дә бик начар. Вақыт-вақыт «олактык, егетләр» дип көрсенә. Без елмаеп кына куябыз. Хосусан, минем өчен юл әле генә башланды сыман. Әмма олы агайлар кайту турында ешрак сөйлиләр...

22.09.63. Халык чөгендер жыю белән мәш килә. Кышка эзерләнә икән. Без бүген генә үзөбезнең кая килеп эләгүбезне чын-чынлап аңладык кебек: энә Казакъстан чиге! Йә шуннан Хатип ага тагын да «олактык, егетләр», дип куя. Бүген аның эче берәз рәтләнә кебек. Ләкин телендә әледән-әле Казан...

Халык телендә казакъ элементы бик көчле. Өч сүзнен берсе казакъча диярлек. Шулай да атаклы телчебез М. Зәкиев һаман гажәпләнә: «Карале, болар да безгә бик аңлаешлы телдә сөйләшәләр бит!» – дип. Әйтерсенлә, Татарстаннан читтәге татарлар башка телдә сөйләшергә тиешләр! (Ул, Оренбург өлкәсеннән чыкканнан бирле, шулай шаклар катып йөри – һай мохитнең тарлыгына күнегү).

Авыл, кайбер кара исәпкә караганда, XIX гасыр башында, кайберәүләр әйтүгә бинаән, 1811 елда салынган булган. Чик саклаучы казачий татарлар нигезләгән. Ә соңгылары исә төрле жирдән, дар астыннан качучылар. Атаманнар, гадәттә, руслардан булган, алар ярлы хәлдә килеп, баегач китә торган булганнар.

Авылда элек укымышлылар да, язма китаплар да, имеш, күп булган, тик беренчеләре үлеп, икенчеләре янып беткәннәр. Бигрәк тә 20–30 елларда. Жиргә күмү, утильгә бирү очраklары соңгы елларга хәтле дәвам иткән.

Монда моннан берничә ел элек Хәләф Гарданов булып кайткан иде. Ул, мина, бу тирәләрдә фольклорның ярлы булуын сөйләгән иде. Дөрөс булып чыкты!

Безнең иң ерак пунктыбыз шушы Озерки булды. Кире борылдык. Юл эшәке, көн бик салкын иде. Бик туңдык. Кичке 8дә Оренбургка кайтып життек. Мунчага киттек, каткан сөякләрне жылытырга, дип. Бары Альберт кына өйдә калды. «Юк, бармыйм мунчагызга», дип. Мирфатыйх юл буена сүгенеп барды: «Әллә аны көчләп юындырасы?!»

Куну әлегә дә баягы «Колхозниклар йорты»нда булды.

23.09.63. Кайту булгач – кайту. Юнәлдек. Каргалыга килеп кайбер кешеләрне күрдөк. Р. Фәхретдинның «Сәет касабасы»н укып утырдык (ул Казанда сакланмаган).

Зиратка кереп, Хәялиннарның берсенә салынган кабер ташын таптык. Минем өметем акланды бугай! Ташның тексты:

«Мостафа бине Мөхәммәд бине Әбел-Бәкер бине Әхмәд бине Хәсән бине Сәгыйдь бине Гәйед Хәялин ушбу 1745 нче ел, Шаһ хәзрәтеннән Кар-

галыга изен вирелен, 8 агысда әүәл кадәм куймыш. Сәгыйдә Хәялин – нәүәрә-Лаһе маркадиһима! – 22 яшендә 3 нче октябердә 1901 нче елда.

Кабернең артында: *Килеп каберем зиярәт идән ихвандин, сахибенә уласыз изгелекле дога илә мөгыйн».*

Табылган документлар арасында иң әһәмиятлесе бәлки шушы кабер ташыдыр..

Көндезге икеләрдә Башкортстан ягына юл тотабыз. Көн бик салкын. Барлык булган киёмнәрне кию өстенә, одеялларга төрөнөп утырабыз – сөяккә үтәрлек жил.

Кичке 5 тә Башкортстан чигенә килеп життек. Ләкин үтөп булмый. Нәкъ чит ил чиге сыман: шлагбаум, милиционер. Юл ябык. Бер жан иясе дә Уфа рөхсәтеннән башка үтәргә тиеш түгел. Менә сиңа, мә! Ялынып карадык, ялварып карадык – булмады, – чик ябык. Әлбәттә, Зәки Вәлиди килеп, ханлык игълан итмәгән, юк, сәбәп бик гади: Оренбург өлкәсендә терлектә үләт бар икән. Менә шул гына, шуңа күрә чикне карантинга япканнар...

Көлә-көлә кире борылдык. Октябрьский дигән шәһәр кисәгенә килдек. Тик монда да уңмадык: гостиницасында урын юк. Эзли торгач, бер карт маржаның өенә фатирга кердек. Менә сиңа гыйльми экспедиция: тар гына сәке, өстендә бер ертык киез кисәге, әйдәгез, шунда ятыгыз, түшәгегез шул. Нишләргә? Яттык. Докторы да, ассистенты да, доценты да, шоферы да – барсы да «әлиф булып» тезелеп яттылар... Бүлмәдә бер эт тә йоклады. Чоланда бозау. Ә почмакта тәрә белән образ...

24.09.63. Шунысы хак: контрабанда булмаса, законлы юл белән Башкортстанга үтөп булмаячак. Һәм без «контрабанда» юлына бастык. Олы юлдан чыгып, Сырт тавының эченә кереп киттек. Яңгыр, жир юеш, балчык булса да, ике көпчәктә тарта торган булгач, машинабыз нинди генә әшәке юл булса да мышный-мышный алга чапты. Тау сыртына менеп тә чапкаладык. Манзара бик матур иде! Тау битләре калын бөдрә урман, чак кына бакырлана төшкән... Көн жылы. Шуңа күрә күнелләр күтәрелә төшә. Башкорт булып кыланган Альбертны үчеклибез.

Чикне уздык бугай. Ниһаять, Сакчы Мазарга юлыкмадык. Уф! Кичке дүрттә генә Күмертау тирәсендә якты юлга – асфальтка чыктык. Әйдә, куала Жиргән авылына!...

Кичке сәгать 6 ларда гына тамак ялгап алдык. Жиргәнгә күз бәйләнер чакта гына килдек. Биктаһиров Фәхри дигән 75 яшьлек бабайга туктадык. Ялындырып тормыйча сөйләшә һәм житди генә тыкылдый. Аның риваятенчә, авылның исеме элек «Жир-кан» булган, имеш. Һәй, әкият!...

Тезелешеп кенә идәнгә яттык. Ләкин чиста юрган, йомшак мөндәрләргә. Болары булгач, кровать юклыгы гаеп түгел.

25.09.63. Иртэн эшкэ башладык. Берничэ көн каты яңгыр явудан, урам-нар бик пычрак иде. Бера ра үзөбөз кунган бабайны чормасына меңгереп төшердек. Берничэ кулъязма алып төште. Өһәмиятсез. Берничэ бабай белән эбине жырлатып карадык. Өллэ ни искитәрлек нәрсэләре юк. Шулай да, Хатип ага бик ләззәтләнеп язып алды. Рәфифә эби дигән берәүне жырлатып маташтык. Тырышып караса да, жырларын исенә төшөрә алмады. Чыгып киттек. Бер бабайны сөйләтеп утыра идек, әлеге Рәфифә эби үзе килеп чыкты: «Балакайларым, жырым искә төште», – дип, үзенең бәетләрен жырлап чыкты. Алар иске бәетләренең өзекләреннән гыйбарәт иде.

Төштән соң Жамак, Канбулат ягына киттек. Жамакта мин ботак очы кодаларымны таптым (Магатның ерак бер апасының кызы, ире белән – иренең исеме Булат). Бик якты чырай белән кабул иттеләр. Шамил абый, Ренарт, мин – шунда калдык. Башкалар Канбулат авылына киттеләр. Алар нәрсә кырып йөргәннәрдер – безгә билгесез (жүнле һичнәрсә алып кайтмадылар), ә без өчәү бик шәпләп кунак булдык.

Кичке тугызда тегеләр дә кайттылар. Алар чәй эчеп алгач, Иделне кичеп, Жиргәнгә кайттык.

26.09.63. Салаватка юнәлдек. Магатларга килеп төштек. Көтүбөз белән. Ике-өч сәгать анда мәш килеп, каймаклап чәй эчтек. Ваннада юндык (әлбәттә, Альберттан башкаларыбыз...). Стәрлебаш ягына юнәлдек. Стәрлебашта төшләнеп алгач, Тәтре-Арсланны узып, Кыргыз-Миякәсенә килдек. Район мөсафирханәсенә төштек. Бу тирәдә нефть юк. Шуңа күрә ярлылык күзгә күренеп тора. Кая Жиргән белән чагыштыру!

27.09.63. Ашханәдә кымыз бар икән (әлбәттә, сыер сөтеннән – көне буе жил чыгарып йөрдем...). Ләкин миңа ите бик ошады. Күптән мондый мул ашханәне күргән юк иде.

Өллэ кайлардан уратып, Аксаково, Бәләбәйләрне узып, Октябрьск шәһәренә килдек.

Ләкин юл искитмәле иде: юл читен сырып алган бөдрә урманнарда нинди генә төс юк: яшелдән алып, кызылга хәтле. Менә бер төше күгелжем-яшел, икенче жире сап-сары, ә өченчесе исә – ут кебек... Бер рәссам да болай ясый алмастыр...

Октябрьск шәһәре бик матур икән. Ашханәсенә кергән идек: халык үлөп сыра эчә (гомумән, Башкортстанда, сыра дисән, үлөләр...). Ө шәһәр ярыйсы. Мактанса да – лаек. Гостиницасы дә шәп иде: һәр кешегә бер бәләкәй бүлмә. Күпме газаплардан соң, ниһаять! Иркән ванна. Сәгатьләр буе яттым...

Кичен, М. Зәкиевнең сабакташы булган, бер хатынның өенә кунакка бардык (Сәлимә Газизова, ире – Әнвәр Абдуллин). «Ләх» булганчы эчтек. Бигрәк тә Шамил «чәчәк» атты.

28.09.63. Татарстанга чыктык. Урыссуга, дөресрәге Әпсәләмгә килеп, шифер заводындагы кәгазьләр арасында гарәпчә китаплар булу-булмавын аныкладык. Хәзер юк. Элек булгалаган. Кулъязмалар да күп килгән. Шулай итеп, кемнәрдер әллә кайларда кулъязма эзлиләр, ә монда аларны йөзәрләп яндырганнар... Чын-чынлап крематорий. Безнең түрәләр киләчәктә монда китерелүче кулъязмаларны караячакбыз-фәлән, дип йөриләр.... Кем белә. Ә кәгазь эретү ходка салынган иде.

Юлдан Бәйрәкәгә туктадык. Кәшиф ага Рәхимнән Бәйрәкә тарихын сөйләтеп, магнитофонга яздырган булдык.

Кичен Бөгелмәдә идек. «Нефтяник» гостиницасы.

29.09.63. Бик кызу бардык. Хәтта бик зур авыл Каргалыга да (Чистай Каргалысы) ярты сәгатькә генә туктадык. Кичен Чистайга життек. «Колхозник йорты»нда кундык. Әшәке сасы йорт, кәрдән каешланган простыня...

30.09.63. Иртән колхоз базарына барып, берәз суган-бәрәңге алдык. Имештер, Казанда бик хөрти... Капчыклап алалар. Мин алмадым. Нәрсәгә? Көн яңгырлы. Салкын. Көндөзгә 2-дә Казанга життек.

Ә кызым шактый үскән!..

Йомгак

1. Археографик яктан рәт булмаса да, бу сәфәр безгә кин регион, төрле жир тормышын белергә ярдәм итте. Кайберләребезнең күзләре дә ачыла төште.

2. Кулъязма жыюны ашыктырырга: ул бетә бара. 20–30 ны еллар бик күпне харап иткән. Хәзер дә дәвам итә... Кулъязмалар арасында «Мәжмәгъ әр-рисаль» (юридик әсәр) бик әһәмиятле.

3. Әзерлек бөтенләй башкача булырга тиеш. Состав турында да нык уйларга. Түрәләрдән ерак бул. Әз кеше белән, төпченеп эзләргә кирәк. Безнең кебек «ходайның кашка тәкәләредә» машинада чапкалау археографик экспедиция өчен яраксыз. Булдыра алсан, жәяү йөрә! Нәм ике-өч кеше белән генә.

4. 25 кулъязма, 20 басма китап.

5. Бик акыллы кыяфәт белән юлга чыккан идек, тәмам акылсыз эш итүебезне аңлап, кире кайттык...

Вәссәләм!

ОТЧЕТ О РАБОТЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ЗА 1968–1970 ГОДЫ¹

[Миркасым Абдулахатович Усманов]

В 1968 г. я докладывал Ученому Совету о деятельности археографических экспедиций за предыдущие годы. Поэтому сегодня буду говорить о результатах полевых поисков и обработки приобретенных материалов за последние три года, т.е. за 1968, 1969, 1970 гг., когда мы, согласно нашему плану проблемной группы и кафедры, приступили к последовательному, планомерному обследованию территории Среднего и Нижнего Поволжья (самой Татарии и Астраханской области). Например, в 1968 г. было обследовано более 30 татарских населенных пунктов Дрожжановского, Тетюшского и частично Буинского районов. А в 1969 и 1970 гг. обследованию подвергались более 90 татарских аулов Буинского, Камско-Устьинского, Апастовского и Актанышского районов. Кроме того, в 1968–1969 гг. мною было обследовано более десятков сел Астраханской области и также сам город Астрахань.

В результате этих поездок было выявлено, приобретено и привезено в Казань, точнее в рукописный отдел Научной библиотеки имени Лобачевского, около 750 корешков рукописей на различных восточных языках (это не считая тех 600 рукописей и старых книг, собранных до 1968 г.). Из этих 750 единиц 130 было найдено в 1968 г. и более 200 корешков – в 1969, и около 400 корешков в нынешнем, т.е. в 1970 г. Из приобретений этого года 270 единиц были привезены мною из Апастовского и Балтасинского районов. Альбертом Фатхиевым найдено 11 корешков в Актанышском районе. Студентка Ф. Фаттахова, совместившая этнографическую практику с археографическими поисками, из Касимова привезла 9 рукописей – корешков. Еще несколько рукописей были присланы частными лицами на адрес кафедры истории СССР и татарской литературы.

После проведения предварительной работы по сортировке и камеральной обработке выяснилась следующая картина: большинство собранного материала составляют рукописи на арабском языке. Это в основном общеизвестные сочинения по юриспруденции, теологии, философии, классической восточной филологии, математике, медицине, а также литературные произведения светского, полусветского характера.

¹ Отчет, сделанный руководителем Археографической экспедиции КГУ М.А. Усмановым перед Ученым советом исторического факультета в 1970–1971 уч. г. // Авторская машинописная копия с автографом. Личный архив автора.

Объем ираноязычных произведений не очень велик – 5–8 %. Здесь мы в основном имели дело со списками произведений таких крупных персидских авторов, как Аттар, Саиди, Хафиз, Хайри и др. Правда, здесь, как и среди арабоязычных манускриптов, встречаются вещи, авторы и дата которых еще не известны. В возрастном отношении арабо-персидские сочинения относятся к XII–XIX вв. Но большинство из них представлено в списках XVI–XIX столетий, хотя представлены манускрипты XIV и XV столетий.

Эти материалы представляют ценность для истории изучения как истории общественной мысли, просвещения у татар, так и развития культурных связей татарского народа со странами Ближнего и Среднего Востока. Не исключена возможность, что среди наших приобретений имеются вещи, имеющие определенный интерес для изучения истории и культуры зарубежного Востока.

Второе место по объему и количеству составляют татароязычные рукописи, примерно 30–35 %. По содержанию тюркоязычные материалы можно было бы сгруппировать в следующем виде:

1. Списки поэтических произведений светского и полусветского характера. Например, такие средневековые памятники, как «Кысса-и Юсуф» Кул-Али (XIV в.), «Кысса-и Джум-Джума» Хисама Кятиба (XIV в.), «Кысса-и авук» (XIV–XVI вв.) и «Кысса-и Сакам» (XVII в.) анонимных авторов. Они представлены в списках XVII, XVIII, XIX вв. Немало списков произведений и позднейших авторов, например, Утыз-Имяни, Кандаый, Ялчигула, Муслими, Курсави и др.

2. Тексты полусветских и полурелигиозных прозаических сочинений XIV–XIX столетий. Это различные рассказы, сборники рассказов, представляющие как лингвистический, так и литературоведческий интерес. В качестве одного примера можно назвать список сборников дидактических рассказов, составленный в XIV веке, «Нахдж ал-фарадис».

3. Некоторое количество составляют чисто религиозные произведения, содержащиеся в рукописных сборниках, как часть одного корешка.

4. Определенную группу составляют списки сочинений известных авторов, представителей тюркоязычных народов, например, азербайджанца Физули, узбеков Навои, Хузейда, Хашраба, Сайкали, Сайяди, Аллаяра и др., также туркменского поэта Махтумкули, рукописи которого редки и среди самих туркмен.

5. Внушительную по объему и богатую по содержанию группу составляют разные рукописи с фольклорными текстами. Это условно названные мною «тетради шакирдов». О них речь будет еще впереди. Здесь ограничусь указанием лишь на следующий факт: в 1969 г. в Камско-Устьинском районе был найден текст средневекового тюркоязычного, видимо, ногайско-татарского эпоса «Туляк и Суслу», содержание которого до сих пор было

известно по устной версии и в основном среди башкир. А теперь перед нами текст, составленный где-то в XVI столетии, возможно и ранее, но в списке первой половины XIX века. Интересно отметить, что в этом сочинении речь идет о людях «страны хана Бачмана». Как известно, Бачман – это историческая личность и он был вождем антимоңгольского движения кыпчаков, т.е. половцев Нижнего Поволжья, 30-х гг. XIII в. К большому сожалению, список этот, пока уникальный в нашей коллекции, имеет дефект – не хватает одного-двух последних листов. Кроме новых списков таких давно уже известных исторических сочинений, вроде «Таварихов» Ялчигула и Муслими, да «Дафтари Чингиз-наме» анонима, были обнаружены и приобретены несколько памятников региональных историй, т.е. истории аулов и групп селений, составленные местными краеведами как до революции, так и в наши дни. В качестве примера можно назвать «Историю Новых Тинчалей», «Историю Кайбыцев», «Историю Старого Юмралы». Имеются также тексты десятка генеалогических записей, также мемуаров, памятных записок, в том числе и пространные воспоминания современников о Пугачеве. Представлены также эпистолярные материалы, например, письма времен I и II мировых войн, также письма, относящиеся к XIX столетию.

6. Незначительными по количеству, но ценными по качеству являются и актовые материалы, части делопроизводства. Например, ознакомившись с документом, рассказывающим о порядке дележа земельных наделов в ауле Кушты Апастовского района до революции, можно получить яркое представление об этом процессе. Ценность при изучении быта и положения татарских крестьян представляют метрические книги 70–80-х гг. XIX в. из Балтасинского района, где зафиксированы рождения, бракосочетания, разводы и смерть жителей группы селений с указанием их социального положения.

Небезынтересен и журнал сельской библиотеки аула Средний Балтаси Апастовского района, который дает яркую и конкретную картину преобразования духовного мира татарских крестьян в послеоктябрьский период.

Таков вкратце характер наших приобретений.

Хочется сказать несколько слов об участниках экспедиции. Необходимо отметить заслуги сотрудника Научной библиотеки Альберта Фатхиева, который обследовал большую часть Актанышского района и собрал значительный материал. Он зарекомендовал себя неутомимым археографом.

В составе экспедиций ежегодно участвуют 5–6 студентов из числа специализирующихся по истории ТАССР. Из них я особо отметил бы студента 4 курса Марселя Хайрутдинова, за эти годы зарекомендовавшего себя как способного парня и как примерного студента. Каких-либо неприятных происшествий во время полевых работ не было.

Теперь мне хотелось бы сказать о результатах камеральной обработки и научной отдаче приобретенных за последние годы материалов. Рукописи сперва, после сортировки по языковой принадлежности, подвергаются краткому описанию и инвентаризации. Здесь большую работу проводит уже названный Альберт Фатхиев. Определенную часть рукописей обрабатываю сам. Но рукописи мы собираем не только для того, чтобы принять на хранение. Конечная цель заключается в том, чтобы наиболее ценные памятники татарской письменности ввести в научный оборот. И в этой области уже кое-что сделано. Например, профессор Х.У. Усманов при составлении и издании критического текста поэмы «Джум-Джума Султан» в качестве одного из основных источников использовал качественный список этого произведения, найденный нами во время экспедиции. Кандидат филологических наук Ф. Фасеев, составляющий критический текст знаменитой поэмы «Кысса-и Юсуф», пользовался и пользуется нашими находками. Фотокопии отдельных текстов памятников средневековой тюркоязычной письменности заказаны учеными из Узбекистана.

О результатах полевых поисков и камеральной обработки, также о значении целей и задач археографических экспедиций Казанского университета мною было сделано несколько публичных выступлений. Например, можно назвать участие в работе «Тихомировских чтений» в Москве, организованных Археографической комиссией АН СССР и посвященных вопросам организации и методики проведения археографических экспедиций по РСФСР. Результаты наших экспедиций получили положительную оценку. И наш университет в этой области уже числится в первой тройке среди вузов Российской Федерации. А по части восточной археографии он занимает особое место.

Полный текст моего выступления был принят для публикации в одном из очередных выпусков «Археографического ежегодника» [Усманов, 1970, с. 118–128]. Опубликована статья (в объеме 1,5 п. л.) в журнале «Казан утлары» (1970, № 5) [Госманов, 1970, б. 160–172]. На эту статью имеются отклики не только в качестве писем, но также в виде бандеролей с рукописями.

И это не все. Три года тому назад я приступил к систематическому изучению содержания так называемых тетрадей шакирдов. Обращаю внимание, прежде всего, на памятники исторического фольклора и репертуара шакирдовской анонимной поэзии. В результате просмотра более трехсот рукописей (из них около ста корешков принадлежит старой коллекции) были выявлены и расшифрованы тексты более ста памятников, которые или совершенно не известны нашим фольклористам, или известны частично, фрагментарно. Это лирические, обрядовые, бытовые песни, также байты исторического содержания. Датируются они началом XX столетия. В общей

сложности, видимо, около 3–4 тысяч строк, ибо не все написанное можно изучать, но все известное необходимо брать на учет. Расшифровка текстов в основном закончена. Теперь необходимо довести до конца транслитерацию и комментирование рекомендуемых к печати текстов. И я думаю, если все будет благополучно, к 1971 г. закончу эту работу под названием «Тетради шакирдов» [Госманов, 1971, б. 131–139].

Не затрагивая здесь специфические и частные вопросы, относящиеся больше к фольклористике и литературоведению, мне хотелось бы отметить лишь следующий основной вывод. Как показывает содержание нескольких сот шакирдовских тетрадей, составленных на огромной территории от Касимова до Оренбурга и от Перми до Астрахани, широко распространенное мнение, будто после революции 1905 г. татарское просветительство исчерпало себя, не выдерживает научной критики. Наоборот, именно после революции 1905 г. идея просвещения всего народа, освобождаясь из круга кучки просветителей, овладевает умами масс, прежде всего крестьянской молодежи. Иначе говоря, идея просвещения народа из добрых пожеланий и теорий превращается в общественное движение – материальную силу, постепенно переплетаясь с революционным движением, с классовой борьбой. Следовательно, просветительство не исчерпывает себя, а получает более высокое развитие и национальную специфику.

Теперь хотелось бы сказать несколько слов о ряде недостатков организационного характера.

Во-первых, была сорвана из-за отсутствия машины поездка, запланированная на июнь месяц, и был значительно, почти на десять дней, сокращен срок работы в сентябре месяце. Поэтому не был выполнен весь план, намеченный на 1970 год – полное обследование Апастовского, Верхнеуслонского и частично Зеленодольского районов. Товарищи, необходимо особо подчеркнуть, что с делом сбора рукописей надо торопиться и торопиться. Ведь и сейчас мы собираем то, что сохранилось частично и это, к сожалению, не самая лучшая часть. А через 10–15 лет будет совершенно поздно. Ибо с уходом еще одного поколения уйдут в землю еще несколько тысяч рукописей. Ускоряет это дело и массовое обновление крестьянских домов.

Во-вторых, из-за отсутствия исполнителя не осуществилась поездка русско-славянской группы нашей экспедиции.

Теперь у меня остались предложения и просьбы.

Первое, обсудить вопрос, естественно, пока лишь в принципе, создания археографической комиссии при университете, призванной способствовать интенсивному изучению и публикации рукописных и документальных материалов. Такие комиссии уже кое-где существуют. По этому поводу у меня были беседы как с ведущими учеными нашего факультета, так и руководи-

телями Археографической комиссии АН СССР в Москве. Специально консультировался и в Областном комитете партии, где одобряют эту инициативу. Словом, дело зависит только от нас, вернее от руководства факультета.

Второе. Обратиться в дирекцию Научной библиотеки им. Лобачевского, чтобы они позаботились о расширении помещения рукописного отдела, ибо уже некуда класть приобретенные и вновь приобретаемые рукописи. Также необходимо обеспечить рукописный отдел штатными специалистами по арабским и персидским рукописям. Это важно не только для наших региональных интересов, но и для развития отечественной ориенталистики в целом.

Третье. Представить мне возможность развивать обмен опытом со специалистами археографами из других союзных республик, так, например, Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, прибалтийских республик и Армении, особенно с теми центрами, где археографическое дело поставлено образцово. Это весьма важно, ибо моя прошлогодняя кратковременная поездка в Дагестан дала мне большую пользу. Во время таких поездок можно было, кроме всего, собрать материал и по истории народов Поволжья.

Четвертое. Помочь и приобрести для экспедиционных нужд, во-первых, фотоаппараты с зеркальной камерой (системы Зенит) с необходимыми принадлежностями, во-вторых, несколько десятков контурных карт европейской части СССР и Татарии, на основе которых можно было бы создать специальную карту археографических поисков Казанского университета. Для перспективы работы это имеет, безусловно, большое значение. А фотоаппараты мне нужны будут для разработки курса по старотатарской палеографии.

Пятое. Прошу утвердить археографическую практику для студентов, специализирующихся по истории ТАССР, ибо студенты – участники экспедиции получают определенные навыки в полевых поисках, но это пока нигде не отражается.

Наконец, шестое. Прошу утвердить смету экспедиционных расходов на 1971 г. в объеме 1500 рублей, как это было в 1970 г.

Руководитель археографической экспедиции,
кандидат исторических наук М.А. Усманов.

Литература

Госманов М.Г. Тарихтагы тирэн эзлэрдэн / М.Г. Госманов // Казан утлары. – 1970. – № 5. – Б. 160–172.

Госманов М.Г. Шәкерт дәфтәре – жырлар биштәре / М.Г. Госманов // Казан утлары. – 1971. – № 6. – Б. 131–139.

Усманов М.А. Об археографических экспедициях Казанского университета / М.А. Усманов // Тихомировские чтения 1970 года. – М.: Наука, 1970. – С. 118–128.

[СИБГАТ ХӘКИМНЕҢ МИРКАСЫЙМ ГОСМАНОВКА ХАТЫ]¹

Хөрмәтле якташ, Миркасыйм!

«Каурый каләм эзеннән»не Сез биргәч, сайлап укыган идем. Авырып ятканда яңабаштан уку теләге туды. Ашыкмый, һәр көнгә ун бит. Ул әдәби эсәр кебек язылган, аны күпләп укып була, ләкин минем чама шулай гына иде. Менә хәзер ахырына килеп життем. Күңелдә туган беренче хис: шул сәяхәтләрнең берсендә дә булмавыма үкендем. Сезнең янда чуалып йөрсәм генә дә, күпме шигырь, күпме жыр тапкан булыр идем. Бәлки, берәр романтик поэма да язып ташлаган булыр идем. Китап шундый романтик хис уятты. Хәзер соң инде. Икенче хис: татар халкы бай рухлы булган икән. Күпме байлык! Кол Галилә, Мөхәммәдъярлар, Тукайлар буш жирдән чыкмаган шул. Жирлек кирәк, бай милли жирлек, гасырлар буге ашланган жирлек. Үз жирендә туганны да күңеленә сәндәргән, читтән дә тайчынмаган. Бер бөтен китап хасил булган. Бер бөтен тарих. Татар халкы күңеле-рухының яңару тарихы «Каурый каләм эзеннән» йөрәп халкымны да, Сезде дә ачтым. Шушындый, күзнә ача торган, хезмәтләр кирәк. Күп көч салынганы һәр биттә күренеп тора. Шәкертләр, мәдрәсәләр турында аерым әйтсәм килә. Сүктәк, көлдәк, мыскыл иттәк. Минә һәрвакыт Тукайлар, Әмирханнар, Галимжаннар уйландырды. Алар янында әле күпме бөекләр! Саный башласаң, гажәпкә каласың. Каян алар? Хәзер инде мин житмеш дүрт яшемә житкәндә барысын да аңладым. Нигезе – мәктәпләр. Шул иске мәдрәсәләр үзбездә туган телне аларның жаннарына әйбәт сәндәргәннәр икән. Шул иске мәдрәсәдән чыккан бердәнбер бөек Исәнбәткә карап торырга калды безгә. Исәнбәт 13 тә, Муса Җәлил, Әхмәт Фәйзиләр 13 яшьтә бәрәп чыккан әдәбиятка. Ун елдан артык Язучылар союзы комиссиясендә утырам. 23–25 яшьлек Равил Фәйзуллиннар буыныннан соң берән-сәрән ике-өч шагыйрь килде. Инде алары да күренми. Килүче прозаикларның яше 35–40–45–50. (Шагыйрьләр дә картаеп килә.) Уйланырлык урын бар. Татар мәктәпләре Такташ, Җәлил, Туфаннарны яңадан тудырырмы?

Иң башта Сездә рәхмәт әйтергә тиеш идем. Яши торган, кала торган китап язгансыз. Ярый Әбрарлар бар әле, Сездә бар. Шуңа сөенәм.

Сәлам белән Сибгат Хәким. 5 июнь, 1985 ел. Больница.

¹ Хат М.Г. Госмановның шәхси архивында саклана.